

Александр Альберт

СЕНАТОР

**Библиотека
Российского колокола**

Библиотека журнала «Российский колокол»

Александр Альберт
Сенатор

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Альберт А.

Сенатор / А. Альберт — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Библиотека журнала «Российский колокол»)

ISBN 978-5-00153-113-5

Это и остросюжетный детектив, и политический памфлет, да и лирическим отношениям героев в нем находится место. Этот роман буквально пропитан болью за наше отечество, страдающее от временщиков и бессовестных политиканов. Это необычайно смелое произведение. Это книга о гибели России. Но и о поиске путей для её спасения. Андрей Щербак-Жуков

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-113-5

© Альберт А., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Альберт Сенатор

© Александр Альберт, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Залетаев Альберт Вениаминович (литературный псевдоним Александр Альберт), во время оккупации находился в селе Дегонка Брятинского района Калужской области, там же в шесть лет пошёл в школу. В 1950 году вместе с родителями переехал в г. Киров Калужской области. По окончании 8-го класса школы № 2 поступил в Ростовское мореходное училище, которое окончил в 1958 году, и был направлен на работу в Управление экспедиционного лова г. Риги Латвийской ССР. Работал матросом, боцманом, вторым помощником капитана. После тяжёлой болезни вынужден был уволиться и переехал в г. Ростов-на-Дону. Работал на СРЗ «Красный Дон», тогда же поступил на судомеханический факультет Одесского института инженеров морского флота. В связи с Карибским кризисом в 1962 году был призван на службу в ВМФ, в г. Севастополь, демобилизован в 1966 году. Старший лейтенант запаса. С 1969 по 1985 год работал в Ростовском ЦПКБ Министерства морского флота ведущим конструктором, заведомом. С 1985 по 1992 год – в НПО «ДОН», начальником ОПКБ с ОП. Изобретатель СССР, имею около 50 авторских свидетельств на изобретения.

Посвящаю брату, А. М. Б.

Глава 1

– Ну и рожа! И как можно с такой рожей к людям выходить? – Сенатор Брянцев с ненавистью глядел в зеркало, откуда на него смотрело вполне приличное лицо пожилого человека, слегка обрюзгшее, слегка с мешками под глазами, с не совсем свежей кожей и слегка нездоровым румянцем.

Сенатор умылся, потрогал суточную щетинку, но бриться не стал: нынче в моде быть заросшим. Снова взгляделся в своё отражение – сойдёт!

На кухне тренькнул дебильник (так сенатор окрестил мобильный телефон сразу после его появления в широкой продаже). Брянцев поднял старенькую надёжную «но-кию», нажал кнопку приёма, прислонил к уху.

– Аллю! Александр Михалыч?

Началось! Сенатор узнал задыхающийся голос Димы Жукова.

– Слушаю тебя, Дмитрий. Что случилось?

– Александр Михалыч, дорогой, выручайте! Скопинцев заболел, а без него моё ток-шоу накроется.

– Ну и как я его заменю? Ты же знаешь, он в другом комитете работает, мы не пересекаемся.

Скопинцев, коллега, руководил комитетом по финансам, а он, Брянцев, работал в комитете по транспорту.

– Александр Михалыч, дорогой, я же знаю, вы любой вопрос поднять можете. Я ещё по ходу немного скорректирую. Очень прошу, Александр Михалыч!

– Ладно, Дмитрий, буду. Всё как обычно?

– Да, конечно, спасибо огромное! – Он хотел сказать что-то ещё, но сенатор не стал слушать, выключив игрушку.

Ежедневные толковища – сенатор придал им некую русскость, называя «ток-вшоу», – стали модными на всех каналах; слушателям и зрителям из всех сил внушалось, что происходящее на них волшебным образом влияет на жизнь страны.

На 10.00 назначено заседание; он просмотрел листок с программой сегодняшнего дня – его вопросов нет, следовательно, и готовиться к нему не надо. А может, отпроситься? Позвонить в секретариат? Нет, не стоит, совестно не ходить на это за такие деньги!

Он тяжело вздохнул и принялся облачаться по протоколу.

Сенатором он стал недавно, четыре месяца тому назад, о причине перемещения мог только подозревать, но догадываться не хотел: само когда-нибудь всплывёт.

За это время он успел познакомиться только с половиной членов верхней палаты парламента и сделал вывод, что многие из этих знакомых оказались здесь так же, как и он, внезапно. Но никто из них – ни разу! – даже не намекнул на причину.

Размышляя, он спустился к подъезду правительственной гостиницы, где жил в ожидании квартиры, сел в поданный автомобиль с мигалкой и поехал по запруженной транспортом улице справлять конституционные обязанности.

В самом начале он пытался отказаться от машины, доказывая, что вполне и даже быстрее мог бы добираться на метро, например, но получил вежливый нагоняй от секретаря и категорический запрет на вольности в перемещениях.

Заседание прошло буднично, без сбоев, вопросы решались быстро, за пять-восемь минут, без споров и разногласий. Его поначалу корбила эта будничность, и он пытался оживить процесс принятия решений, как это делал раньше в своей деятельности, но смирился, получив настойчивый запрет на самостоятельность. Под предлогом, кстати, государственной важности решаемых вопросов.

Обед по смешным ценам, небольшой отдых и продолжение заседания.

По окончании заседания на выходе из зала его ждал помощник:

– Александр Михайлович, вас просит подойти Ольга Валерьевна, она вас примет через пять минут у себя.

– А в чём дело, Алексей Иванович? Вы что-нибудь знаете?

– Нет, Александр Михайлович, не в курсе. – Алексей Иванович Чадов, один из трёх его помощников, для убедительности развёл руки в стороны.

– Хорошо, я уже пошёл, спасибо! Хотя стойте, у меня для вас троих задание: найдите мне расширенную номенклатуру выпускаемой нашими предприятиями продукции.

Чадов на мгновение задумался, осмысливая сказанное ему, потом поднял глаза:

– А СП включать?

– Да, включайте, только отдельным списком.

– Ясно, понял. Я сам дам задания своим товарищам, Александр Михайлович? Или вы?

– Нет-нет, не надо! Вы же не назначенный старший, – улыбнулся Брянец, – вот и командуйте.

Чадов ответно улыбнулся.

– А срок?

– Недели хватит?

– Думаю, вполне.

– Ну, тогда до встречи через неделю.

Брянец секунду смотрел на удалявшегося помощника, осмысливая его приглашение к спикеру. Редкое, кстати.

Секретарь в приёмной встала, увидев его:

– Вас уже ждут, Александр Михайлович, проходите, – и открыла дверь кабинета.

– Александр Михайлович, дорогой, извините, – радушно приветствовала Седлецкая, выходя из-за стола, – давно хотела поговорить с вами накоротке, да всё некогда было! Дела да дела! Как вы обустроились? Квартиру получили?

– Пока нет, Ольга Валерьевна, не беда, подожду. Вы что-то хотели?

– Хотела и хочу, Александр Михайлович, просто пообщаться с вами, таким красавцем, украсившим нашу палату. – Она подошла совсем близко и протянула руку.

Брянец ответно пожал ладонь, оказавшуюся холодной: – Вы меня смущаете, право, Ольга Валерьевна!

Следующая пара минут никчемного разговора, и вопрос:

– Вы сегодня к Жукову приглашены, как мне сказали?

– Да, Ольга Валерьевна, – слегка опешил Брянец (кто сказал?), – Дмитрий Игоревич пригласил.

– Но это же не ваша тема, так?

– Так, – всё ещё недоумевая, ответил Брянец, – Жуков слёзно просил выручить, и я дал согласие.

(Брянец хотел добавить: «Или что-то не так?», но это прозвучало бы как вызов, и он не стал это делать.)

– Александр Михайлович, дорогой, вы ещё совсем юный сенатор, – она улыбнулась, – и не знаете наших обычаев. Вам известно, почему Скопинцев отказался участвовать? Вижу, неизвестно, да?

Брянец кивнул.

– Потому что тема стала острой! – Седлецкая стала серьёзной, и сразу выявились все косметические ухищрения сделать её монументальной: она была пожилой женщиной. – Я, безусловно, прошу отнестись к этому шоу очень серьёзно, – она помолчала, – и, главное, ответственно.

И, прощаясь, протянула руку.

Брянцев в задумчивости прошёл в свой кабинет. В приёмной помощников не было – молодцы, уже на задании, – секретарь встала:

– Добрый день, Александр Михайлович! Почту заберёте?

– День добрый, Лика, а почту давайте. Как здоровье, настроение? – Привычно спрашивая, Брянцев открыл протянутую папку и наскоро просмотрел бумаги.

– Всё нормально, Александр Михайлович.

Лику, Анжелику Михайловну Воронцову, Брянцев встретил случайно, сразу по приезде в Москву: она работала у него в отделе «Совфрахта»; лучшего кандидата в секретари не было, и он был рад, когда она согласилась на его предложение. Он с большим трудом преодолел упорное сопротивление секретариата, обладавшего приоритетом при подборе сотрудников; Александру Михайловичу пришлось подключать оставшиеся здесь связи.

– Вопросы есть? – Брянцев посмотрел на секретаря.

– У матросов нет вопросов, Александр Михайлович! – лихо доложила Лика, улыбаясь. (Пару раз вначале она пыталась приложить раскрытую ладонь к виску, отдавая честь, но Брянцев прекратил эти попытки, потому как к пустой голове руку не прикладывают.)

– Вот и прекрасно, значит, будем работать! – И в хорошем настроении он прошёл в кабинет.

Он снова просмотрел бумаги в папке: ничего нового, рутина – закрыл её и отложил в сторону. Прикрыл глаза, вспомнил весь разговор.

Главный вопрос: кто это – те, которые сообщили о его согласии участвовать в вечернем ток-шоу? Дима отпадает: ему нет смысла докладывать спикеру, у него есть своё начальство, следящее за чистотой нравов этих шоу. Не следует ли простое решение: тебя, дорогой Александр Михайлович, элементарно прослушивают?

А второе, насчёт остроты финансовой сферы? Конечно, острота есть, но ведь бюджет профицитный, лишних денег вполне достаточно для решения любых острых проблем! Неужели это тот сюжет, случайно попавший в Интернет, про горячее выступление на каком-то банкете председателя комитета по бюджету и финансам нижней палаты Макаркина об острой финансовой несостоятельности большинства регионов страны? И сколько народу его посмотрело, пока не удалили? Несколько сотен тысяч? Копейки по нашим временам!

«А какой вывод, сенатор? – спросил себя Брянцев. И сам себе ответил: – Простой: держать ушки на макушке!»

Он не замечал раньше, на предыдущих местах работы, каких-либо признаков слежения за собой, его деятельность была абсолютно открытой, направленной на пользу предприятию; скрывать что-либо ему было незачем. Смешно, но он неукоснительно следовал принципам своей старенькой бабушки Пелагеи Васильевны, одним из которых был «не укради!». И лихое время, выпавшее на расцвет его профессионального роста, которое ломало судьбы, казалось бы, вполне добросовестных, честных людей, не поколебало его.

Сейчас же он впервые не совсем понимает, что ему нужно делать; подспудное чувство – работать на благо страны, но как конкретно?

Первое, что он сделал, когда законодательное собрание Романовской области выбрало его депутатом верхней палаты парламента, – завёл красивую тетрадку, скорее блокнот, куда начал записывать главное, по его мнению, что происходило на заседаниях, и делать пометки, характеризующие принятые решения; это зачастую не совпадало с официозом.

Ясно, что блокнот должен быть недоступен для посторонних; но если его прослушивают, то скоро будут и досматривать? Или уже?

Он подумал, что хорошо бы убедиться в этом и определиться.

Второе, что лишь слегка касалось его нынешней деятельности, – это ощущение, что страна становится (или уже стала?) неполноценной, многие традиционные изделия перестали

производить на просторах родины. Он вспомнил, как обнаружил в супермаркете обыкновенную деревянную вешалку на три колышка, произведённую в соседнем Китае. И точно из нашей древесины! В Китае запрещено рубить деревья. Какой идиот закупил их и привёз за тысячи километров в столицу, попутно убив местную артель?

Он захотел знать о проблеме в целом; его новое положение позволило сегодня отправить помощников собирать материалы по теме. Неужели будет сопротивление? Было бы очень смешно!

Размышления прервал звонок из приёмной:

– Александр Михайлович, Чадов просит соединить с вами.

– Давай Чадова, Лика.

Щелчок, в трубке деловой голос Алексея:

– Александр Михайлович, я у статистов, они говорят, что эти сведения – для служебного пользования, моего удостоверения вашего помощника недостаточно для их получения.

– А что им нужно?

– Ваш официальный запрос.

– Хорошо, Алексей, возьмите у них болванку запроса и приезжайте. А где остальные?

– Инга Сергеевна в Минпромторге, а Юра – по магазинам.

– Свяжитесь с Ингой, возможно, ей тоже понадобится такой же запрос.

– Инге не нужно: она же там работала, обойдётся.

– Вы так думаете?

– Уверен, Александр Михайлович! Вы же помните: блат выше наркома!

– Хорошо, Алексей! До завтра!

Юра – Юрий Иванович Перепадья – был менеджером в крупной торговой фирме, остался без работы в связи с её ликвидацией. Брянцев торгашей не любил и долго сопротивлялся его назначению в свои помощники; только двукратная беседа с соискателем сломила недоверие. И, кажется, он не ошибся.

Инге Сергеевне Вовиной двадцать шесть лет, с работы в Минпромторге она уволилась после скандала с её начальником, руководителем отдела.

Брянцев не хотел знать подробности, она ему понравилась сразу, на первой беседе, независимостью и трезвостью суждений. Сказала, что обязательно поменяет фамилию.

– Почему? – удивился Брянцев.

– Потому что, Александр Михайлович, стоит мне представиться: «Вовина», как идиоты интересуются: «Неужели того самого?» – и показывают пальчиком вверх, в небо.

Брянцев, утверждая её в должности, посоветовал сделать это скорее.

– Понимаю, Александр Михайлович: годы идут, скоро старухой стану...

Пришлось извиняться.

В вечернем часовом вшоу всё как обычно: три представителя существующей власти, как правило говоруны; сопротивляются им член наполовину исчезнувшей демократической партии, политолог соседней страны-соперницы и бывший демократ на пенсии. И ареопаг – три почтенных представителя чего-нибудь по теме. Брянцев – в ареопаге.

Он не полностью понимает суть крикливых, даже горячих реплик, порой выступлений, умело направляемых ведущим в единственное русло. Он тоже о чём-либо говорит, что-то предлагает, но замолкает под напором оппонентов – чтобы не раздражать.

Желаемый итог вшоу – видимость открытой, демократической дискуссии с представителями либералов и твёрдыми государственниками, где последние всегда правы и очередной раз засветились на телеэкране.

Брянцев считаное число раз участвовал в этих ристалищах и вывел для себя следующее: прок в них целиком зависит от умения ведущего быстро заткнуть неудобную тему. Едва ли не каждому слову и действию ведущего рукоплещет подобранная и оплаченная им клака.

Жуков – слабый ведущий: у него сохранились какие-то принципы, и он с трудом преодолевает то, что отстаивал когда-то, а теперь говорит обратное.

Лучший ведущий – человек без принципов; сегодня он спокойно, не стесняясь, может убеждать участников дебатов, а если смотреть шире – многомиллионные массы слушателей, в чём-то, что несколько лет назад с такой же убеждённостью было отринуто им. Этакий поп Гапон в новом обличье.

И вот догадка: Брянцев почти уверен, что этот ведущий, замеченный и обласканный высшей властью, понимает свою роль, даже одежду подходящую для себя придумал, что-то похожее на поповскую рясу.

Кстати, множественность подобных вшоу говорит о двух вещах: первое – у телекомпаний уменьшились доходы; второе – там же почему-то считают, что это самый прямой и надёжный способ донести народу позицию власти (или государства?).

Брянцев сомневается в надёжности этого способа; полностью погасить дискуссии там невозможно. Это понимают и приглашаемые на них стойкие борцы за демократию, которые, несмотря на чудовищные унижения со стороны ведущих и представителей твёрдой бездумной руки, пытаются и нередко доносят до зрителей свою правду. А убрать их нельзя.

Ну а кто Брянцев? Представитель власти или государства? Интересный вопрос! Ответ напрашивается такой: назначен властью, а выполнять обязан конституционные правила государства! Так, Михалыч?

Перед сном Брянцев поговорил по телефону с женой и дочуркой. Он знает, что они пострадали от его работы, не имея достаточно выходных, и сейчас надеются наконец на совместное житьё-бытьё с полноценным отдыхом: походами в театр, кино или цирк.

С поездками на курорты всей семьёй.

А ему, Брянцеву, понравится такая жизнь?

Стереотипное начало следующего дня.

Брянцев у себя в кабинете необычно рано, в половине девятого, Лика появится в районе девяти часов.

У него детское занятие: отыскать в своём офисе место, где можно спрятать – для начала – некую секретную вещь, а потом проверить, делается ли досмотр в его приёмной и кабинете.

Он долго ходит по приёмной, заглядывает в санузел, потом так же обследует свой кабинет и приходит к выводу, что спрятать что-либо нигде!

Тайник устраивать он не собирается, это путь к провалу; интуиция подсказывает, что лучше всего прятать на виду, но пока не знает, как это сделать. Зато определился в отношении выявления возможного досмотра; он обратил внимание, что Лика пользуется закладками в виде двух бумажных ленточек шириной два сантиметра; ей удобно писать на них тему содержания. Он попросит её поделиться ими для своих папок.

Он прошёл в кабинет, сел за стол и открыл оставленную Ликой вечером папку.

В 14.00 заседание комитета; Лика подготовила распечатки, ссылки, номера, названия, даты принятия разных документов, касающихся рассматриваемого вопроса; в очередной раз он мысленно поблагодарил секретаря.

Без трёх минут девять щелчок коммутатора и голос Лики:

– Доброе утро, Александр Михайлович! Вам ещё что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо, пока ничего. У меня к вам просьба: мне закладки ваши понравились. Вы могли бы мне дать с десятков таких же?

– Конечно, Александр Михайлович, но вам придётся подождать: я их сама режу.

– Я готов подождать. И вот ещё что: найдите мне что-нибудь типа «амбарной книги» – буду заметки записывать, а то бумажки теряются. Хорошо? Чадов болванку принёс?

– Да, она у вас в папке, я позволила себе её заполнить от вашего имени – не будете ругать?

– Я, госпожа секретарь, вообще не помню, чтобы ругал вас.

- А я помню.
- Когда? – искренне удивился Брянцев.
- Когда руку к пустой голове приложила.
- А память у вас не девичья! – Засмеявшись, Брянцев выключил связь.

Брянцев нашёл эту бумагу, прочёл, править не стал. Удивило, что этот запрос должен пройти через секретариат верхней палаты.

Неужели их считают неразумными деточками, неспособными определить ценность запрашиваемой информации? А в секретариате сидят многопрофильные академики?

Глава 2

Знакомьтесь: Александр Вениаминович Летов. Мужик крепко лет под восемьдесят, недавно потерявший два последних собственных зуба.

Он – двоюродный брат сенатора.

Поняничить давно желанного родившегося братана он не смог по уважительной причине: на дворе зрел нарыв Карибского кризиса 1962 года, и его, как военно-обученного человека, призвали послужить родине на Черноморском флоте. И отпустили его только через четыре года, в звании старшего лейтенанта, продолжить учёбу в знаменитом ОИИМФ – Одесском институте инженеров морского флота.

Братика он увидел через год, приехав в отпуск со своей семьёй. Они вышли из автобуса на разъезде. Они – это он, Летов, его жена, сынишка Андрей и младшая сестра Люда. Идти три-четыре километра, точное расстояние никто не определял. Летов вспомнил, что как-то выюжным зимним вечером добирался до села три часа. Но сейчас благодать: позднее лето. Прошли перелесок, слева от дороги открылось поле, поросшее жёлтыми ромашками.

– Люд, посмотри – колхоз цветочки начал выращивать.

Сестра пробралась к полю через густую траву, нарвала букет, долго его разглядывала.

– А знаешь, братец, это не ромашки, а обыкновенный подсолнечник, глянь сам, – подала ему стебель.

Точно, подсолнечник, вот и малюсенькие семена.

– Гибрид какой-то, что ли?

– Узнаем: тётушка – главный агроном.

В доме, кроме бабушки, никого из взрослых не было. Дядя Миша – в кузне, взрослые Сашины сёстры, Женя и Тома, учились в разных городах. С будущим сенатором нянчилась бабушка.

Ничего особенного: крепкий пятилетний братишка играл с его сынишкой, бывшим на два года старше. Летова же больше интересовал отец пацана, дядя Миша, представитель и продолжатель дела кузнецов Брянцевых; с ним он и проводил время и у него в колхозной кузне, и дома, за столом, с рюмкой водки. Летову было важно это общение: он хотел понять, что же несёт стране новый лидер, весьма импозантный мужчина, с уже проявившейся склонностью ко всяким наградам, особенно высшим. Благодаря ему в стране случилось очередное поднятие всё более гибнувшего сельского хозяйства. И он огородам пошёл на пригорок, к кузнице, где дядя Миша указал на три фактора этого подъёма:

– Вон, видишь, шестеро мужиков на бревне сидят и смотрят на окрестности через речку? Это присланные райкомом помощники нашему колхозу. И, знаешь, куда они смотрят? Оттуда, через прогалину в деревьях, виден магазин на той стороне речки. Сейчас, – он посмотрел на висевшие на стене ходики, – время к одиннадцати, они ждут его открытия.

И точно, в чреве механизма часов что-то зашуршало (кукушка не выскочила), с первым ударом мужики сорвались с бревна и стайкой побежали вниз, к броду через речку; мост, который он, Летов, защищал с парнями от льдин в весенние наводнения, был разрушен – и не фашистами.

Вторым фактором оказался токарный станок – чудо немецких мастеров последней четверти XIX века, присланный, опять же, в помощь колхозу шефами, донецкими шахтёрами.

Станок не работал: в нём не хватало главной шестерни, приводящей его в работу, которую, несмотря на героические усилия советских инженеров, так и не смогли сделать, так как весь станок был создан, очевидно, самоучкой по неизвестной измерительной системе.

Третьим фактором служили применяемые в колхозе трактора К-700, производимые в СССР для транспортировки ракет и иной военной техники, своей мощью и тяжестью настолько

утаптывающие нежную лесную почву, окружающую село, что только отдельным семенам удавалось пробить эту корку; об этом наглядно свидетельствовали посевы всё ещё выращиваемых кукурузы и подсолнечника: по три-пять карликовых стеблей на квадратном метре. (Поразительно: на меже естественные для этих мест травы вырастали по грудь!)

Сжигая тонны солярки, эти трактора сжигали среди прочего и тонкую экономику колхоза. Что, впрочем, не особо волновало власти, ведь впереди брезжил фантом коммунизма!

Где-то часа через полтора помощники вернулись; весёлые и говорливые, они снова оккупировали знакомое бревно.

– Представляешь, племянник, я трактором это бревно вон туда, под горку, отволок! Тошно же смотреть! Так они целый день потратили, но притащили его опять на это же место! Как клопы диван в анекдоте.

– И что они, вот так целыми днями и сидят?

– Нет. У них типа бригадир есть, он их распределяет на работы. Да что там! – Он с досады выругался. – Зачем они нам, эти работники? Это же всё для показухи! Не получается у начальства ничего толкового, вот они и замазывают глаза и нам, и себе! А бригадира сегодня нет, уехал в райком, новые инструкции получать.

В кузню зашла старушка, робко поздоровалась:

– Здравствуй, Афанасич! Беда у меня, чеплыжка обломилась, поможешь, родимый?

– А когда я не помогал, баба Дуся?

– Ой, Миша, знаю я, знаю! Как там Васильевна?

– Да ничего, слава богу! Да ты присядь, баб Дусь, на лавочку, сейчас сделаем!

Дядя Миша достал из вороха железок нужное, подошёл к горну и стал готовить костерок.

– Подожди, дядь Миш, дай мне молодость вспомнить!

Летов скинул пиджак на лавку, засучил рукава.

– А ты что, старый уже? Когда успел стать-то? – усмехнулся дядя.

Но Летов не отвечал, он делал то, что в шестилетнем или семилетнем возрасте подглядел у старших в кузне, которая располагалась в сенях их дома. И однажды, выскочив после завтрака пораньше, разжёл огонь для старших, став «поджигателем», как окрестил его другой, младший дядя – Валя.

Привычно сладив над кусочком бересты домик из лучинок и щепок, с одной спички поджёл его и стал ждать момента, когда можно будет подкладывать кусочки антрацита: только они дают настоящий жар. Заметил:

– А где ж меха? Чем дуть будем? – И повернулся к дяде.

– А ты что ж, думал, мы тут щи лаптем хлебаем? У нас тоже прогресс есть, научно-технический. – И дядя Миша показал на щиток, прибитый к бревенчатой стене кузни, с пусковой кнопкой и рычажком реостата.

– Это кто устроил?

– Бригада из ЦК приезжала, – на полном серьёзе сказал дядя, – потом комсомольцев возили сюда, опыт перенимать.

Увидев моё несказанное удивление, засмеялся:

– Валентин собрал из каких-то железок военных, что с войны остались.

«Да, дядя Валя всё может», – подумал Летов.

Между тем в горне железка нагрелась докрасна. Дядя Миша взял им же изготовленные щипцы, захватил ими край железки:

– Ну как, племянник, поможешь? – указал глазами на молот.

Летов бил молотом по раскалённому металлу там, где указывал маленький молоток в правой руке дяди. Потом ещё один нагрев, другой, а затем, доделывая чеплыгу, дядя работал сам. И родилась красивая и нужная в хозяйстве вещь. Финальное шипение в бочке с водой – и дядя отдаёт готовую вещь бабуся:

– Пойдёт, баб Дусь?

– Ой, Мишенька, угодник ты наш, спасибочки! – поклонилась баба Дуся, принимая ещё тёплую чеплыгу: – Здоровья тебе, милок, тебе и деткам твоим! – И вышла из кузни.

На лавке остался узелок из белой материи. Летов кинулся:

– Забыла бабуся! Пойду догоню!

Дядя остановил его:

– Плата за мою работу. И не догоняй, не возмёт! Человек понимает, что за работу надо платить. А эти, на бревне, этого не понимают. Вот и вся разница. И это, Саня, касается всего нашего государства, всей эсэсэсэрии!

В узелочке было три яичка. А на бревне уже никого не было, испарились помощники.

В беседе прошёл час, никто не тревожил. Дядя встал, снял замок:

– Пошли домой, если что, туда придут. Но прежде зайдём в магазин.

Они спустились к речке, дядя Миша, будучи в сапогах, перешёл сразу, а Летов разулся и, засучив штанины, перешёл босиком. Так, босой, и вошёл вслед за дядей в большое светлое помещение недавно построенного магазина.

Огляделся.

На длинных полках небольшой кучкой стояли два десятка бутылок с водкой, в углу висели три хомута и какие-то ремни. Небольшой прилавок, на котором деревянный ящик с конфетами-подушечками, слипшимися в сплошную массу. И живая продавщица, смотревшая на Летова с видимым интересом. Поздоровались.

– Дай-ка нам, Варя, пару бутылок да пару стаканов, обмоем приезд племянника, – попросил дядя. – Выпьешь с нами?

– Не-не, Афанасьич, – отказалась Варя, одновременно подавая бутылки и стаканы, – не буду.

Посмотрела на Летова снова:

– А я вас помню...

– Кого это – нас? – перебил он её. – Я ж не император какой-нибудь.

Варя зарделась и засмеялась:

– Ты на класс старше учился, так, Саня? Всё воевали...

Он снова перебил:

– Так ты сестра Толика, моего лучшего друга?

– Да.

– А он где сейчас? Я его лет двадцать не видел.

– В ПТУ в Кирове, мастером.

– Ну вот, оказывается, мы знакомцы, а ты даже выпить с нами не хочешь!

– Не-не, не буду!

– Ладно! А мы выпьем, да, дядь Миш? А закусить? Я без закуски не умею.

– Да вот же, – вступилась Варя, – конфеты!

– И больше ничего существенного? А под прилавком? – Летов знал об этом феномене нынешней жизни.

Варя засмушалась:

– Да если бы и было, разве я пожалела бы для дяди Миши и для тебя, Саня? Нет, только одни конфеты и есть. – Она посмотрела на меня, удивлённого. – Да вы прямо руками берите сколько хотите!

– Как брать? Они же все слиплись?

– А вот так, пальцы сделайте ковшиком и берите! – показала.

Ящик больше чем наполовину был опустошён.

– Это что, и они, работники, так закусывали: руками?

Варя отвернулась, закрыв глаза ладонью. Глухо, не оборачиваясь:

– Простите меня, я ложки из дома приносила, да они их с собой позабирали. Принесу – а они заберут...

– Хватит, Саня, – не выдержал дядя, – девушку до слёз довёл! Не виновата она! Сюда бы этого многозвёздного генсека да заставить его закусить вот так! Хватит! – Он поднял налитый стакан, чокнулся о его, стоящий: – За встречу! Всегда рад тебя видеть, племян!

Он выпил залпом.

И Летов выпил глотками, потом, угнувшись, ждал, когда пройдёт желание желудка выкинуть тёплый вонючий яд.

– Пойдём, Саня! Прости нас, Варвара, и запиши за мной.

Дядя Миша засунул обе бутылки в карманы пиджака и пошёл на выход. Летов, захватив стоявшую на полу обувь, пошёл следом.

Ему было стыдно.

Шесть лет назад в космос улетел почти его ровесник, Юрка Гагарин.

В Москве с невиданным размахом собираются отметить пятидесятилетие Октябрьской революции.

И война окончилась двадцать два года назад...

В доме, где за два с половиной года до начала войны, вьюжной февральской ночью, в годовщину гибели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», родился он, Летов, в горнице был накрыт стол с немудрёными деревенскими закусками и городскими, что удалось купить. Посреди стола стояла початая четверть самогона.

«И где только сохраняют такие бутылки?» – подумал Летов.

Они сидели за столом, когда с работы пришла Зоя Власьевна, жена дяди; слухи донесли ей о приезде родственников.

– Тётъ Зой, а почему у вас в колхозе подсолнухи такие? – Люда показала на букет в банке с водой.

– Да обыкновенно. В область семена пришли, и их через сито. Крупные – себе, на еду, может, на продажу, а может, за взятки, кто богаче. Остальное – в районы, там тоже сита есть. Даже здесь, в колхозе, сита есть. И сеем мы то, что семенами и назвать нельзя, – высебки, отбросы. Пять процентов всхожестъ.

– Но зачем же вы их сеете? – не вытерпел Летов.

– А попробуй не посеи – через неделю ни председателя, ни меня, агронома, не будет. Да ещё и посадят. – Помолчала. – И во всём так...

– Но вы же коллективное хозяйство, а не государственное, сами – коллектив? – не унимался Летов.

– Крепостные мы! – отрезала тётя. – Нашим только десять лет назад паспорта давать стали! А крепостными так и оставили.

Дядя Миша встал:

– Всё, кончили беседы! За встречу, за вас, дорогие родственники! – и поднял стакан. – За тебя, Саня, моряка! – Выпил, захрустел малосольным огурчиком.

Летова хмель не брал, да он и не старался налегать на спиртное. Шесть лет не был он в этом доме. Извинившись, встал, прошёл на кухню, сел на лавку под маленьким окном, глядящим в огород, закурил.

Ничего не изменилось с той февральской ночи 1942 года, когда впервые отметилась память об этой кухне. Та же полка, висящая на стене за тем же старым потемневшим столом, та же небольшая загородка с левой стороны печи, то же подполье под русской печью, где он прятался с мамой, и, наверное, не в первый раз. Сейчас перед загородкой стоит табуретка, на ней – знаменитый ведёрный тульский самовар, а тогда здесь в исподнем стоял его дедушка Афанасий Сергеевич Брянцев.

(Самовар и швейную машинку «Зингер» – единственное, что успели закопать в огороде перед стремительным приходом немцев.)

В кухне полумрак, светильник стоял, очевидно, на грудке печи. И в какой-то момент он видит перед собой дедушку, зажимающего левой рукой живот; из-под руки течёт, окрашивая белую рубаху, что-то чёрное. И слышит его голос: «Зоя, меня убило...»

Наверное, он не спал в ту ночь. В доме была только его мать. Бабушка ещё вечером ушла в Приют, где в немецком лазарете лежал раненный в колено предыдущим днём младший дядя – Валя. Он слышит стук в окно находящейся рядом, за дощатой перегородкой, комнаты, бежит к нему, протаивает своим дыханием в заиндевевшем стекле кружок, через него видит лицо бабушки и кричит: «Бабушка! Бабушка! А нашего дедушку убило!»

Дедушка Афоня был убит разорвавшейся в горнице миной; маленький осколок пробил доску и прошёл его тело со спины. Память об этом времени цепко держится в его существе – не удалить!

В сенях послышались детские голоса. Летов встал, смахнул набежавшие слёзы.

Входная дверь открылась, в дом разом пытались ворваться оба мальчика: его семилетний Андрей и пятилетний братан Саша.

– Я первый! Я здесь живу! – пыхтел крепкий, копия отца, Саша. Но и худенький Андрей не сдавался; оба упали, зацепившись за порог.

Летов подошёл, поднял за руки обоих, готовых всплакнуть.

– И что вы, братья, не поделили? Невесту, что ли?

Осмысливая неожиданный вопрос, дети передумали плакать.

Андрей, собираясь уточнить, посмотрел на Летова. И вдруг, с испугом заметив покрасневшие глаза отца:

– Ты что, папа, плакал?

– Нет, сынок, это дым в глаза попал. – И уже обоим: – Идите обедать, женихи, вас там заждались! – И подтолкнул их в горницу.

Он вышел во двор, скоро к нему, освободив место у стола новым едокам, присоединился дядя Миша.

– Ты что, Сань, курить начал?

– Начал, дядь Миш, на службе. Как говорят военные: сдался после долгого сопротивления.

Дядя вытащил из кармана мятую пачку «Примы», вынул сигарету, похлопал по карманам:

– Дай прикурить, Саня! Спички оставил где-то.

Курили в молчании.

Саня, разбудив память, сравнивал: что было и что стало.

Было: просторные, высокие сени, сложенные, как и дом, из толстого выдержанного дерева, такой же скотный двор, с большим высоким навесом, под которым складировали сено и солому, высокое крыльцо со ступеньками и большим пространством под ним, где детвора пряталась, играя в салки.

Это был дом крепкого мужика, получившего при Столыпине надел и освоившего его на пользу себе и государству. При доме был ухоженный сад из двух десятков деревьев, малинник, рядом, под небольшим уклоном, – низинка с луговой травой и речка с глубокой, «с ручками», купальней.

Напротив, через речку, был дом бывшего помещика Ардальонова, предки которого одними из первых дали «вольную» своим крестьянам. И дом бывшего крепостного Брянцева соперничал, а во многом и выигрывал у дома помещика.

С приходом большевиков и организацией колхозов надел забрали вместе со скотом, дом и сарай заставили разобрать и перенести всё в село, выделив для этого новый надел, примерно

двадцатую часть от имевшегося. Сад негласно остался за Брянцевыми, и Саня с мамой, тётёй Зиной, дядьками ходил в него за яблоками. Он участвовал и в попытках пересадить часть деревьев на новое место, большинство из которых были неудачными: деревья были слишком большими.

Дом с постройками крепко стоял на новом месте, он уцелел и за два года оккупации; его не успели сжечь даже специально оставленные солдаты вермахта.

Но через четыре года после войны, когда Летов с отцом уже жил в городе, случился пожар, уничтоживший крышу, сени, все хозяйственные постройки.

Восстановление прошло тяжело; сени получились маленькими и тесными, без единого окна, и сложены они были, как и сарай, из случайных брёвен. Крыши, бывшие под щепой, стали соломенными. Сам дом выдержал это малое время, но сени и сарай успели покоситься; часть брёвен гнила.

Замеченное породило печаль в душе Летова, ещё больше загрустил он от увиденного в кузне и возле нее.

Здесь была голая правда, в отличие от трескотни в телевизоре про новую пятилетку, успехи в освоении космоса, процветание в стране и государствах народной демократии.

Какой прогресс при голых полках магазинов, отсутствии дорог, откровенном развале сельского хозяйства?! Как корова, спасшая от голода в 1946 и 1947 годах, стала нерентабельной? Почему власть с 1960 года стала ежегодно поднимать цены на продукты, и не только на них? Как руководители страны посмели расстрелять возмущившихся рабочих Новочеркасска, протестовавших против урезания их зарплат и роста цен, и почему трусливо скрыли произошедшее? Отчего здесь, в этом колхозе, как и по всей стране, отобрали выпасы для общественного стада, обложили налогом держателей коров, яблони в огородах? Как результат – общественное стадо исчезло, колхозник лишился молока, мяса, а некоторые повырубали плодовые деревья. Кому это нужно? Кому, чёрт возьми?

Зачем его заставили подписаться под бумагой, обязывающей его врать при встречах с иностранцами (он стал начальником конструкторского бюро в аграрном НПО) об урожайности пшеницы и других культур, о надоях молока и прочем? Бумага была многостраничной, охватывала все стороны жизни человека и общества. Это был не просто обман, а государственная ложь!

Ответы на все эти вопросы он получил значительно позже: в 1997 году волею судеб Летов побывал в Америке, будучи приглашённым на учёбу в крупную нефтедобывающую компанию, SVERCO, головной офис которой находился в городе Далласе штата Техас. Помимо учёбы в этом штате у него был хороший знакомый по десятилетней переписке фермер Эд Рохрбач, чьи владения располагались недалеко от города Амарилло, рядом с городком Херефорд. Естественно, он не упустил возможности воочию посмотреть на то, о чём в письмах ему рассказывала Эрлин, жена фермера.

На четвёртый день пребывания, освоившись, он попросил вице-президента компании, курировавшего учёбу будущих интернациональных агентов по продажам выдающейся фирменной продукции, связать его с Эдом, что тот с видимым удовольствием и сделал. Утром следующего дня крепкий загорелый американский крестьянин в холле гостиницы мял его в объятиях, удивляясь: как это он смог пересечь океан? Неужели большевики начали выпускать своих людей за границу? Четыре часа езды в «додже» Эда по надежным штатовским дорогам – и он, крестьянин по рождению, оказался в американском фермерском доме.

И здесь он нашёл ответ: очень простой, полноценный, без каких-либо признаков лжи.

Около века назад прадед Эда, немец, переплыл океан и получил от государства кусок голой степи на плоскогорье, расположенном на высоте около тысячи метров над уровнем моря. Наверняка было тяжело его осваивать, но через сто лет Эд, наследник, имел уже 740 гектаров,

из которых 560 были его собственные, оставленные ему отцом, остальные он арендовал. Он вырастил, а Америка выучила семерых детей: пятерых сыновей и двух дочерей.

Эд не строил ни коммунизма, ни капитализма, он об этом как о пустом не стал и говорить. Он строил свою жизнь, и государство ему в этом помогало.

– Ли, – крикнул он жене, возившейся на кухне, – а кто у нас сейчас президент?

– Я не хочу называть имя этого негодника, он опозорил всю Америку.

– Но всё-таки?

– Клинтон.

Эду шестьдесят, у него нет никаких работников.

– Зачем я буду держать бездельников? Ведь за каждый час рабочего времени я должен платить им по 2 доллара 85 центов, а с 1 сентября – уже 3 доллара 15 центов. Это единственное, что у нас растёт.

– Но как ты управляешься со всем этим один? – не поверил Летов.

– Пошли, покажу тебе моих помощников!

И он повёл Летова в просторный ангар. А в нём – техника, немыслимая для России, и трактор мощный, обутой в сдвоенные шины. Эд, увидев растерянность Летова, признался:

– Алекс, я чуть-чуть обманул тебя: мне помогает один из сыновей, Энди, который пошёл по моим стопам, но только когда я убираю урожай. Он вместе с одним доктором арендует недалеко 470 гектаров.

И ещё много чего удивительного рассказал Летову Эд.

Глава 3

Брянцев три дня приходил к себе в офис раньше секретаря и уходил позже неё – никаких признаков проникновения.

Он хотел сдаться, но решил скрепя сердце сделать это в четвёртый, последний, раз.

Задумка, как определить факт проникновения в его личные, можно сказать, дела, была детской: он измерял в миллиметрах расположение закладок и длину их кончиков, выходящих наружу. Все данные заносил в маленькую записную книжку, которую носил постоянно с собой.

Первой была «амбарная книга», в которую Лика заносила всё входящее и исходящее, она всегда лежала свободно на столе секретаря.

Вторым был еженедельник на столе сенатора, куда вписывалось всё что вздумается, он всегда был под рукой, на столе.

Третьей была записная книжка, лежавшая всегда в сейфе, содержащая пароли, коды и прочее, но для себя.

Четвёртым был деловой блокнот, который он держал в запирающемся ящике стола, там были тезисы для выступлений, заметки с совещаний, встреч с нужными людьми и многое другое, чего не нужно знать посторонним.

Вечером очередное ток-шоу, снова болтовня, но он заметил одну перемену: кто-то командовал выпустить кусочки правды о жизни в стране. Может быть, рейтинг трепотни стал падать? Это было неожиданно для ведущих, они очень боялись переусердствовать; умение лгать под видом правды хорошо оплачивалось.

Он, занятый своими мыслями, практически не участвовал в разговоры, хотя и встречал вопросительные взгляды Димы, призывавшие вступить в полемику.

Смешно, но он ждал следующего дня, как дитя – обязательного подарка.

В начале девятого он своим ключом открыл дверь приёмной, волнуясь, достал записную книжку.

Итак, «амбарная книга», в ней пять закладок, из которых одна, отмеченная им, перемещена. Ну и что? Могла случайно задеть уборщица. Но он всё равно насторожился: в предыдущих три дня такого не было.

В кабинете еженедельник лежал точно так же, как он его оставил, а уходя, постарался запомнить. Из ящика стола вытащил специально купленную металлическую линейку и замерил: расстояние от края листа совпадало, но закладка выступала на два миллиметра больше. Волнуясь до дрожи в руках, он открыл запёртый на ключ ящик стола, достал блокнот: закладка была сдвинута на миллиметр и по длине, и по выступу. Всего по одному миллиметру! Никакая уборщица в стол попасть не могла!

Оставался сейф.

Он присел в кресло. Может быть, он неточно замерил положения закладок? Исключено: он инженер, производственник, знающий цену не только миллиметрам, но и микронам.

Он открыл сейф, записная книжка лежала там же, где он её оставил.

Замеры – кончик закладки был утоплен на два миллиметра.

Приплыл мальчик, никаких сомнений! Значит, у них есть ключи не только от стола, но и от сейфа. Знают и шифр кодового замка. Как? Следовательно, в кабинете есть круглосуточное наблюдение.

Признаться, он не ожидал такого внимания к своей персоне.

А вывод?

Элементарный. Он ничего не обнаружил и никому никогда не должен говорить об этом. Никому! Никогда!

Он абсолютно спокойно должен оценить этот факт и определить свои действия, вернее, противодействия.

Его жизнь была простой, обыкновенной.

Родился в деревне, бывшей селом до момента разрушения церкви в войну. Воспитанием занималась бабушка, сёстры для него были слишком взрослыми, а к моменту его похода в первый класс они разъехались на учёбу, так что не могли влиять сильно на его становление как человека. Бабушка для него была всем; именно от неё он усвоил принципы, которым позже следовал всю жизнь: не укради, не обманывай, люби и уважай ближних.

Ему нечего было скрывать, и с этой стороны к нему не за что было ухватиться. Но вот со страной какой-то непорядок, и кто-то решил, что нельзя оставлять без чьего-то (чьего?) внимания государственных деятелей, к коим, без сомнения, относился и сенатор Брянцев.

Первое, что надо сделать, – оставить всё как есть, ничего не меняя, убедить проверяющих, которые осматривают его по какому-то графику, что он ничего не заметил.

Второе – нужен новый блокнот для интимных записей на острые темы, к ним, без сомнения, отнесутся и заметки о ходе расследования. Шифровать их? Нет, он без специального знания не сможет создать личный шифр.

Блокнот будет содержать новые пароли, логины новой электронной почты и соцсетей, которые, ориентируясь на степень защищённости, предстоит выбрать.

И вдруг: блокнот должен быть абсолютно одинаковым с имеющимся! Хранить его во время работы в офисе нужно в том же ящике стола! И придумать способ перемещения его из личной папки в стол и обратно!

Открывать новые счета в банках смысла нет.

В телефоне щелчок и голос Лики:

– Доброе утро, Александр Михайлович! Напоминаю: сегодня заседание вашего комитета, в папке на столе я подготовила материалы к нему, посмотрите насчёт дополнений, время ещё есть. А завтра совещание с помощниками по данному им заданию. Все материалы по нему у них.

– Спасибо, Анжелика Михайловна! Как настроение?

– Бодрое, как всегда, Александр Михайлович!

– Вот и прекрасно, – и машинально, открывая папку, – тонуть, значит, будем с песней!

Лёгкий смехок и отключение.

Брянцеву, однако, было не до веселья: помимо случившегося утром ему впервые с момента избрания (назначения?) в Совет Федерации предоставили тридцать минут драгоценного времени для доклада о состоянии морского и речного транспорта и перспективах развития этой отрасли.

Он давно готовился к этому докладу, собирал разную информацию не только из открытых российских источников, но и закрытых, предназначенных для служебного пользования; там в основном содержались зарубежные сообщения о России, публиковать которые было, мягко говоря, некорректно.

Собранного оказалось столько, что перед ним встала дилемма: либо рассказать всю правду как есть, либо проскользнуть между фактами и лёгкими неточностями, откровенными домыслами, скрывающими её. Собственно, это как раз было то, на что имели зуб пропагандисты; оно было противно натуре Брянцева.

Он был человеком дела; когда его выбрали генеральным директором Северного пароходства, находившегося в плачевном, предынфарктном состоянии, он сумел за пять лет вывести его в передовые структуры России.

Получив назначение в Москву, он противился изо всех сил, пока не понял, что его место уже предназначено вполне определённом лицу из молодых отпрысков одной известной, приближённой к президенту фамилии. Такие люди, как правило, неспособны были управлять гиб-

нущими компаниями, им подавалось только успешное дело, сулящее награды и решительное пополнение семейного бюджета.

Полтора года, проведенных в столице замом гендиректора бюрократической компании, принесли ему кое-какие связи и полное отвращение к её деятельности.

Приглашение стать гендиректором Романовского морского пароходства он принял с радостью, дав согласие сразу. Он не отказался даже тогда, когда ему сообщили о катастрофическом состоянии предприятия: пять судов стоят арестованными в заграничных портах, зарплата матросов на уровне трёх тысяч рублей в месяц. А ведь он, Брянцев, оставил эту компанию восемь лет назад вполне успешной, занимая всего-то должность технического директора. Именно он предложил, предварительно связавшись с китайскими партнёрами, увеличить общий грузовой тоннаж без приобретения новых судов. Для России это было новым делом; суть заключалась в том, что судно разрезалось и в разрез вставлялся вновь изготовленный грузовой отсек, что позволяло значительно снизить себестоимость перевозок и повысить прибыль. Он был частым гостем в Китае и, безусловно, видел гигантский рост страны из года в год. И не мог понять: а что мешает это сделать России?

Подспудно пришёл к выводу, что Китай поднимает народ, руководимый умными людьми, а Россию убивает её богатство.

Ему понадобилось три года, чтобы Романовское морское пароходство, ставшее практически частным, получило первую прибыль.

И странное, непонятное назначение (или выборы?) сенатором лишило его надежд на успешную практическую работу дальше.

В сенате он остановил свой выбор на комитете по транспорту, а новые коллеги избрали его председателем этого комитета.

Конечно, он прекрасно знал не только морскую отрасль, но и смежные: машиностроение, судостроение, судоремонт, состояние логистики, проблемы технического флота и ещё многое другое, а главное – имел твёрдую, обоснованную уверенность в том, что морской и речной транспорт является не только самым выгодным для экономики, но и самым гибким и надёжным в условиях каких-либо катаклизмов.

Лишившись технического флота, страна обрекла на смерть в первую очередь речной флот и прибрежные морские перевозки: стало некому чистить фарватеры, суда могли использовать только пятьдесят процентов своей грузоподъемности. К тому же невозможно было вести строительство новых морских портов, так как известно, что порт – это прежде всего гавань с соответствующими глубинами.

Брянцеву пришлось много летать; он не испытывал какого-либо дискомфорта в самолётах Ильюшина, Туополева, Яковлева.

Сейчас воздушный транспорт требует решительной перестройки; он гибнет под засильем иностранцев; разобраться в этом ему помогли коллеги по комитету, близко соприкасавшиеся в своей деятельности с этой отраслью.

В двадцать раз упало производство подшипников качения, а без них нельзя создать ни один механизм!

На «Ростсельмаше» вместо трёхсот пятидесяти комбайнов в сутки еле-еле набирают заказов на три-четыре тысячи в год!

Эту новость ему поведал Летов, в прошлом имевший отношение к созданию модернизированной версии комбайна, нашедшей поддержку и одобрение у производственников и погубленной властью.

А всё вместе означало, что в стране погибли десятки тысяч производств, создававших и обслуживавших эту индустрию. Собранная информация вместе с цифрами повергла Брянцева в ужас: страна убита!

Куда исчезли гигантские суммы поступивших в бюджет доходов от продаваемых нефти и газа?

Этих средств – а их за последние двадцать лет поступило сто восемьдесят пять триллионов рублей – хватило бы, чтобы дважды с нуля перестроить всю Россию!

Статистика, которая должна бесстрастно констатировать факты, не подчиняясь никаким приказам, передана в Министерство развития. Для чего? Даже в царской России она никому не подчинялась! Втиснуть всё в тридцатиминутный доклад не удастся, придётся чем-то жертвовать.

Он построил доклад попеременно с провалами и будущими возможностями: не смог прямо и честно сказать присутствовавшим, где кроме членов верхней палаты его пришли послушать смежники из думы, нижней палаты парламента, что страна уже перешла красную линию, за которой обычно следует гражданская война, а в итоге – распад и уничтожение.

Ему, лавировавшему постоянно в своей работе между неграмотностью и откровенной тупизной новых собственников, ухвативших, очевидно, куски тех самых исчезнувших триллионов, и необходимостью держать на плаву порученное ему дело, приходилось не однажды жертвовать правдой, но каждый раз он думал, что ему простится, ведь не для собственной же выгоды он всё это делал!

Он окончил доклад, точно уложившись в регламент.

– Спасибо! – поблагодарил.

Ждал, не поднимая глаз, несколько секунд.

Аплодисменты.

«Жидкие», – отметил про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.